

ОТЕЛЬ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ

Отель забытых фонарей. Письмо без ответа

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Отель забытых фонарей

Алёна Северина

**Отель забытых фонарей.
Письмо без ответа**

«Автор»

2026

Северина А.

Отель забытых фонарей. Письмо без ответа / А. Северина —
«Автор», 2026 — (Отель забытых фонарей)

В небольшом отеле Белоречья Марина Зорина обнаруживает противоречие между книгой постояльцев и старой почтовой ведомостью: важное письмо отмечено как возвращённое, но его дальнейший путь никто не может объяснить. Александр Белый помогает восстановить события, хотя у него самого остаются причины не доверять архивным записям. Когда появляются исправленные документы и показания бывших работников, Марине приходится решать, кому позволить прикоснуться к семейной тайне.

© Северина А., 2026

© Автор, 2026

Алёна Северина

Отель забытых фонарей.

Письмо без ответа

Глава 1. Наследство или письмо

Дождь начался, когда Марина Зорина уже заперла контору и успела сделать три шага к остановке.

Он хлестнул по мостовой с такой поспешностью, словно весь день ждал за крышами именно её. Марина вернулась под козырёк, отперла дверь и зажгла лампу. В маленькой комнате пахло мокрой шерстью и пылью. На столе лежали две папки, которые она собиралась унести домой, но теперь пришлось отодвинуть их к стене, освобождая место для чужой работы.

Стук раздался не сразу. Сначала в стекле мелькнула тень, потом кто-то дважды постучал костяшками — сдержанно, будто боялся разбудить дом.

На пороге стоял пожилой мужчина. Его промокшее пальто было застёгнуто не на те пуговицы, одна рука прижимала к груди плоский свёрток, обёрнутый в серую бумагу.

— Вы Марина Зорина? — спросил он.

— Да. А вы?

— Савелий Круглов. Я из городской описи. Мне сказали, вы умеете разбираться в старых делах.

— Иногда. Но сначала снимите пальто. Вы дрожите.

Он не послушался. Перешагнул порог, оставив на полу тёмные следы, и положил свёрток на стол. Бумага была перевязана бечёвкой, не тугой, но узлы затянулись от сырости.

Марина посмотрела на его пальцы: ногти обломаны, на большом — тонкая полоска свежей крови.

— Что случилось?

— Пропажа.

Он произнёс это слово с виноватой осторожностью.

— Чего именно?

— Книги постояльцев. Старой, в тёмно-зелёном переплёте. Из отеля на Сенной.

Марина перестала снимать перчатки.

— Отель давно закрыт.

— Закрыт — не значит пуст. Там склад городского имущества. Сегодня я проверял опись. Книга числится на месте, но полка оказалась пустой.

— Кто последний видел её?

Круглов отвёл взгляд к окну. Дождевые струи стекали по стеклу, ломая отражение лампы.

— Я.

— Когда?

— В понедельник. Я перенёс её из нижнего шкафа на верхнюю полку. Хотел сверить записи с ведомостью. Сегодня пришёл — нет книги. Зато на полу лежало это.

Он коснулся свёртка одним пальцем и отдернул руку.

Марина развязала бечёвку. Внутри оказался переплётный пресс — маленький ручной, с деревянными рукоятками и потемневшей металлической скобой. Обычная вещь, если не считать вырезанной на боку надписи: «О.З.Ф.».

— Отель забытых фонарей, — сказала Марина.

Круглов коротко кивнул.

Под прессом лежало письмо, сложенное вчетверо. Бумага пожелтела по краям, но сгибы были свежими. Ни конверта, ни подписи. На лицевой стороне аккуратным почерком значилось: «Тому, кто найдёт книгу».

— Вы читали? — спросила Марина.

— Нет.

— Почему принесли ко мне?

— Потому что письмо было там, где исчезла книга. А внизу, на двери, мелом написали ваше имя.

Марина посмотрела на него внимательнее.

— Кто видел надпись?

— Я. И сторож.

— Где он сейчас?

— Дома. Ему стало плохо.

— Насколько плохо?

— Сел на ступеньки и не мог подняться. Сказал, что в голове всё звенит. Я вызвал лекаря, потом ушёл. — Круглов сглотнул. — Не следовало оставлять его одного.

Марина уже тянулась за пальто.

— Не следовало.

— Я не знал, что делать.

— Теперь знаете. Вернётесь к нему и не будете никого впускать в склад. Ни сторожа, ни городских служащих, ни меня, пока я не выясню, что там происходит. А лекарю скажите, чтобы он записал всё, что увидит. Не только симптомы, но и время.

Круглов сжал губы.

— Вы поедете туда?

— Да.

— Одна?

— Пока да.

Он хотел что-то возразить, но в дверях за его спиной появился мужчина в тёмном плаще. Александр Белый стряхнул воду с плеча и остановился, заметив раскрытое письмо.

— Вы получили это от него? — спросил он.

Марина не ответила сразу.

— А вы откуда узнали?

— Сторож успел отправить записку в управу. Там написано, что пропала книга и что вы собираетесь на Сенную.

— Вы читаете чужие записки?

— Когда в них просят прислать помощь — да.

— Там просили прислать помощь или следить за мной?

Александр перевёл взгляд на Круглова.

— Я не знал, что письмо уже здесь.

— Теперь знаете, — сказала Марина. — И всё равно не знаете, что там написано.

— Именно поэтому лучше не открывать его здесь.

— Почему?

— Потому что тот, кто оставил его на месте пропажи, хотел, чтобы его прочёл именно тот, кто найдёт книгу.

— Книги у нас нет.

— Тогда письмо может быть ловушкой.

— А может быть единственным свидетельством того, что произошло.

Александр снял перчатки. На правой руке белел тонкий рубец, уходивший под манжету. Марина знала о нём только то, что он не рассказывал. Знала и другое: однажды он промол-

чал, когда должен был предупредить человека. С тех пор его осторожность часто походила на попытку заранее запретить всем вокруг любой риск.

— Если письмо опасно, — произнесла она, — я не стану притворяться, будто оно безопасно. Но решать, что мне читать, буду я.

— Хорошо. Тогда хотя бы дай мне осмотреть бумагу.

— Нет.

Он посмотрел на неё, не повышая голоса.

— Марина, я не пытаюсь отнять у тебя решение.

— Пока пытаешься отложить его за меня.

Она взяла письмо за края. Бумага пахла сырой древесиной и чем-то горьким, аптечным. На обороте проступил бледный круг, будто лист долго лежал на дне чашки. Марина осторожно развернула его.

Первые строки были написаны тем же ровным почерком:

«Книги не ищите у тех, кто боится признаться. Ищите у тех, кому разрешили молчать».

Ниже, после короткой черты, стояло имя: «Агафья Лукина».

Круглов шумно втянул воздух.

— Агафья — дочь сторожа.

— Она работает на складе? — спросила Марина.

— Нет. Она не должна была туда заходить.

Александр протянул руку к письму, но Марина сложила лист прежде, чем он коснулся бумаги.

— Теперь мы знаем, кого искать, — сказал он.

— Нет. Мы знаем, чьё имя написано на листе. Это не одно и то же.

— Её отец сейчас один, больной. Если кто-то уже добрался до него, Агафья может быть следующей.

Марина спрятала письмо во внутренний карман пальто.

— Тогда мы не будем начинать с допроса. Сначала найдём её и выясним, нужна ли ей помощь.

— А если она причастна к пропаже?

— Спросим, что случилось. Не потребуем признания ради собственного спокойствия.

Круглов шагнул к двери.

— Я знаю, где она живёт.

— Покажете дорогу, — сказала Марина. — Но если она не захочет говорить, вы не будете давить на неё.

Он кивнул — слишком быстро, но спорить не стал.

Уже на улице Александр раскрыл над Мариной зонт. Она отступила из-под него.

— Не надо.

— Дождь.

— Я заметила.

— Тогда хотя бы возьми ручку. Зонт маленький.

Марина посмотрела на узкий купол, на его руку, державшую зонт.

— Можешь идти рядом, — сказала она. — Но не впереди.

Он опустил зонт так, чтобы край не заслонял ей улицу.

Они направились к Сенной, а Круглов повёл их переулком, где дождь стекал с крыш прямо на плечи. За спиной у них осталась запертая контора, а в кармане Марины шуршало письмо с чужим именем. Теперь пропажа была не только строкой в описи: у неё появилось лицо, адрес и человек, которому никто ещё не спросил, хочет ли он быть найденным.

Дождь усилился у Сенной. Вода бежала по булыжникам, собиралась в чёрных ложбинах между домами и отражала редкие огни так, будто город смотрел на них снизу вверх. Круглов свернул к низкому дому с зелёными ставнями.

— Здесь, — сказал он. — Второй подъезд. Агафья живёт на чердачном этаже.

— Почему вы так уверены, что она дома?

— Не уверен.

— Тогда не стучите так, будто пришли за должницей.

Круглов уже поднял руку. Он опустил её, сжал пальцы и постучал один раз. За дверью долго не отвечали. Потом что-то тяжело передвинули, и женский голос спросил:

— Кто?

— Круглов. Я от отца.

За дверью стало тихо.

— Отец спит.

— Он просил узнать о вас.

— Отец ничего не просил.

Марина посмотрела на Александра. Тот стоял под стеной, убрав зонт, и мокрые пряди падали ему на лоб. Он не вмешивался, но слишком внимательно слушал.

— Агафья Лукина, — сказала Марина, — меня зовут Марина Зорина. Я работаю с документами в конторе на Набережной. Мы хотим задать вам несколько вопросов о складе.

— Я там не работаю.

— Знаю.

— Тогда вам нечего у меня спрашивать.

Круглов раздражённо выдохнул.

— Девушка, у нас пропала книга.

— Книга не может пропасть. Её либо взяли, либо положили не туда.

— Вот и хотим узнать, кто положил не туда.

Марина повернула голову.

— Господин Круглов.

— Что?

— Вы обещали не давить.

— Я не давлю.

— Вы уже обвиняете её в том, чего не знаете.

За дверью скрипнула половица.

— Уходите, — сказала Агафья.

Марина достала из кармана письмо, но не стала показывать его в щель между дверью и косяком. Бумага была спрятана во внутренний карман, под застёгнутой пуговицей. Она помнила, как лист пах горечью, и помнила имя, написанное внизу.

— Нам передали письмо с вашим именем, — сказала она.

С той стороны двери послышался короткий, сдавленный вдох.

Александр поднял глаза.

— Кто передал? — спросила Агафья.

— Я покажу его вам, если вы сами этого захотите. Не здесь, в щели. И не отдам никому без вашего согласия.

— Вы принесли его Круглову?

— Нет.

— А он знает?

— Он знает, что письмо существует.

Круглов резко повернулся к Марине.

— Не нужно было—

— Я не закончила, — сказала она. — Если вы не откроете, мы уйдём. Но я оставляю вам свой адрес. Вы сможете прийти, когда решите, что готовы говорить.

За дверью молчали так долго, что Круглов успел снова поднять руку. На этот раз Марина остановила его взглядом.

— Уходить? — тихо спросил Александр.

— Подождём.

— Ты только что сказала, что уйдём.

— Я сказала, что решение за ней. Пока она не решила, мы не будем решать за неё, что разговор окончен.

Он едва заметно кивнул.

Замок повернулся. Дверь открылась на ладонь, и в образовавшейся щели показалось бледное лицо девушки. Агафье было около двадцати пяти лет. Волосы она собрала на затылке, но несколько прядей выбились и прилипли к вискам. На плечах лежал старый шерстяной платок. Она посмотрела на Круглова, потом на Александра, задержалась на Марине.

— Входите только вы, — сказала она.

Круглов шагнул вперёд.

— Я—

— Только она.

— Я не оставлю вас одну с—

— Со мной ничего не случится от разговора, — перебила Агафья. — А если случится, вы всё равно не заметите.

Круглов побледнел. Александр отступил к лестнице.

— Мы будем здесь, — сказал он.

Марина вошла. В прихожей пахло сушёной мятой, золой и мокрой шерстью. За перегородкой кто-то тяжело кашлянул.

— Отец? — спросила она.

— Да. После склада ему хуже. Врач сказал, что это простуда.

— А вы не верите?

— Я верю врачу. Не верю тому, что всё началось с простуды.

Агафья провела её в маленькую комнату. У окна стоял стол, заваленный нитками, иглами и обрезками холста. На стене висели три переплёта без книг: кожаные корешки, металлические застёжки, пустые гнёзда для страниц.

Марина остановилась.

— Это ваши?

— Отцовские. Он чинил книги при гостинице. Когда гостиница закрылась, ему позволили забрать испорченные переплёты. Остальное выбросили.

— При какой гостинице?

Агафья посмотрела на неё с усталой усмешкой.

— Вы ведь уже знаете название.

Марина достала письмо и положила его на стол. Не развернула, только придержала ладонью.

— «Отель забытых фонарей»?

Девушка кивнула.

— Его так называли раньше. В документах было другое имя, но люди звали отелем. Там останавливались приезжие, которым некуда было идти, и те, кто хотел, чтобы их не нашли. Отец был сторожем. Потом стал переплётчиком. Он умел восстанавливать книги так, что новый корешок держался дольше старого.

— Какая книга пропала?

— Книга учёта постояльцев.

— Вы видели её?

— Да.

— Где?

Агафья села, положив руки на колени.

— У отца. Три недели назад он принёс её домой. Сказал, что господин Круглов велел проверить старые переплёты и выбрать те, которые можно сохранить. Книга была без обложки, страницы отсырели, половина записей расплылась. Но внутри оставались имена, даты и пометки о письмах.

Марина не коснулась листа.

— О каких письмах?

— О тех, что оставляли в отеле для людей, которые не приходили за ними.

— Поэтому она связана с письмом?

— Не только поэтому.

Агафья наклонилась к столу и достала из ящика небольшой латунный ключ. На нём не было бородки, только плоская круглая головка с прорезью.

— Книга исчезла позавчера. Отец сказал, что её забрали со склада по распоряжению Круглова. Но Круглов сегодня утром пришёл и спросил, не приносила ли я её домой.

За дверью лестницы скрипнула ступень. Александр, вероятно, услышал движение, но не вошёл.

— Значит, он не знал, где она, — сказала Марина.

— Или хотел проверить, знаю ли я.

— А вы знали?

— Книга была не на складе.

Марина посмотрела на ключ.

— Где?

— В старом переплёте. Я нашла её, когда отец спал. Между кожей и картоном был спрятан этот ключ. Книга лежала под половицей в кладовой. Я вынула её и спрятала в другом месте.

— Где сейчас книга?

Агафья отвернулась к окну. Дождь стучал по стеклу, и от каждого удара пламя в лампе вздрагивало.

— Её больше нет.

— Кто её взял?

— Не знаю.

— Когда вы видели её в последний раз?

— Вчера ночью. Я решила перенести книгу к соседке, но не успела. Утром она исчезла. Дверь была заперта изнутри. Окно закрыто. Отец не вставал с постели.

Марина медленно развернула письмо. Агафья прочла первую строку и побледнела.

— «Книги не ищите у тех, кто боится признаться», — прошептала она. — Это не мне написано.

— Почему?

— Потому что я призналась.

— Кому?

Агафья сжала ключ так сильно, что на ладони проступили красные следы.

— Человеку, который обещал сохранить книгу. Он сказал, что если записи попадут в руки властей, исчезнут не только старые имена. Исчезнут живые.

— Как его зовут?

Девушка посмотрела на дверь.

— Я не знаю настоящего имени.

— Тогда как вы его узнавали?

— По фонарю.

Марина ждала пояснения, но Агафья уже поднялась. Она подошла к печи, вынула из-за неё сложенный вчетверо кусок холста и развернула. Внутри лежал металлический жетон размером с монету. На одной стороне была выбита цифра семь, на другой — маленький фонарь с погасшим огнём.

— Он оставил это вместо расписки, — сказала Агафья. — И велел молчать.

Марина взяла жетон. Он казался обычным: холодный металл, потёртые края, грязь в углублениях. Но на внутренней стороне, под цифрой, виднелась свежая царапина в форме короткой черты.

Такой же чертой письмо отделяло имя Агафьи от остальных строк.

В коридоре Александр сказал:

— Марина, открой дверь.

Она не успела ответить. Снаружи раздался глухой удар, потом Круглов выругался. Агафья метнулась к стене и прижала палец к губам.

Марина убрала жетон в ладонь.

— Кто там?

Ответа не было. Только по лестнице быстро спускались шаги.

Александр распахнул дверь. На площадке никого не оказалось. Внизу хлопнула входная дверь, и сквозь щель потянуло холодным дождём.

Круглов стоял у перил, держась за плечо.

— Меня толкнули, — сказал он. — Я видел только тёмный рукав.

Марина посмотрела на Агафью. Та уже закрывала засов.

— Теперь он знает, что вы говорили, — сказала девушка.

— Кто?

Агафья взглянула на жетон в её руке.

— Тот, кто забрал книгу. И если он пришёл сюда, значит, письмо было не предупреждением. Оно было проверкой.

Александр задержался на площадке, вслушиваясь в лестницу. Шаги давно затихли, но он не спешил возвращаться. Круглов прижимал ладонь к плечу и сердито косился вниз, словно надеялся поймать обидчика одним взглядом.

— Ударили или толкнули? — спросила Марина.

— Толкнули. Я не падаю от каждого сквозняка.

— Я не об этом. Вы успели его разглядеть?

Круглов поморщился.

— Рукав. Тёмный. На локте блеснуло что-то вроде пуговицы. Лица не видел.

— А рост?

— Выше меня. Или показалось. Он выбежал, когда я уже хватался за перила.

Агафья всё ещё держала засов. Пальцы у неё побелели.

— Вы должны уйти, — сказала она Марине. — Сейчас. Пока он не вернулся.

— Если он вернётся, вы снова останетесь одна.

— Я не просила вас приходить.

— Нет. Вы просили помощи у человека, которому не знаете имени, а тот взял у вас книгу и оставил вместо обещания жетон. Теперь кто-то знает, что вы заговорили. Я не уйду, пока не пойму, что здесь происходит.

— Марина, — негромко произнёс Александр.

Она повернулась к нему.

— Что?

— Не здесь.

Он не приказал и не потянул её за рукав. Просто посмотрел на дверь, за которой стояла Агафья, и дождался, пока она сама решит. Та опустила руку с засова.

— Говорите, — сказала девушка. — Только не о нём.

— О книге?

Агафья кивнула.

Они вернулись в комнату. Круглов остался у двери, растирая ушибленное плечо. Марина села у стола и положила жетон на край письма. При свете лампы цифра семь казалась глубже, чем при тусклом свете в печной нише. Рядом с ней шла короткая царапина. Не знак мастерской и не случайная отметина: она была слишком ровной, словно кто-то провёл по металлу остриём, приложив линейку.

— Вы сказали, книга лежала под половицей, — произнесла Марина. — Кто ещё знал?

— Отец. Я.

— Соседка, к которой вы собирались её перенести?

— Ей я не успела ничего сказать.

— А тот человек?

— Он знал, что книга у меня. Я сама сказала.

— Когда?

Агафья посмотрела на письмо, но не прикоснулась к нему.

— Неделью назад. Он явился ночью и назвал отца по имени. Сказал, что записи могут погубить людей. Не угрожал, не кричал. Просто перечислил тех, кому достанется, если книга попадёт к властям.

— Он видел записи?

— Не знаю.

— Он знал их содержание?

— Назвал два имени. Одно было зачёркнуто. Второго я никогда не слышала.

Марина провела пальцем по краю жетона, не переворачивая его.

— И вы отдали ему книгу?

— Я не отдавала. Он обещал её уберечь. Сказал, что заберёт только на время, пока не исчезнет опасность. Я спрятала ключ, но книгу тогда не нашла.

— А вчера нашли?

Агафья не ответила сразу.

— Да. Отец рассказал, где искать. Он не хотел, чтобы я вмешивалась. Но после того, как человек с фонарём пришёл второй раз, я решила, что ждать больше нельзя.

— Вы видели его фонарь?

— Не сам фонарь. На стекле было изображение. Маленький огонёк, перечёркнутый линией. Он держал его у двери, когда говорил с отцом.

— Вы уверены, что тот, кто забрал книгу, и тот, кто приходил сюда, — один человек?

— Уверена, что один из них знает о другом.

Александр перевёл взгляд на Марину. Она понимала, почему он хотел вывести её из комнаты: за каждым ответом возникал новый человек, а в коридоре только что был кто-то, кто не собирался разговаривать. Но уйти теперь значило оставить Агафью с теми же вопросами, только без свидетелей.

— Кто ещё мог открыть дверь? — спросила Марина.

— Никто.

— Замок исправен?

— Да. Я запирала его сама.

— Тогда книгу могли вынести через окно.

— Второй этаж, — отозвался Круглов. — И дождь. Следов снаружи нет, я смотрел.

— Вы смотрели после удара, — заметил Александр. — Не до него.

Круглов хотел возразить, но передумал.

Марина поднялась и подошла к окну. Подоконник был узким; на краске темнели полукруглые пятна от горшков. Рама закрывалась на деревянный крючок. На внутренней стороне возле нижнего угла виднелась полоска светлой древесины — свежая, без пыли. Марина наклонилась, чтобы рассмотреть её.

— Агафья, вы открывали окно вчера?

— Нет.

— Сегодня?

— Тоже нет.

Александр встал рядом, но не стал заслонять ей свет.

— Здесь зацепили крючок снаружи, — сказал он.

— Возможно. Или изнутри, — ответила Марина. — Только царапина идёт по направлению к раме.

Она прижала ладонь к стеклу. За мутной поверхностью угадывался тёмный водосток, уходивший вниз вдоль стены. До него можно было дотянуться с соседнего карниза, если знать, где поставить ногу. Невысокий человек не справился бы; зато тот, кто толкнул Круглова, мог быть достаточно рослым.

— Кто живёт за стеной? — спросила она.

— Квартира пустует, — ответила Агафья. — Хозяин уехал в губернию ещё весной.

— Есть доступ с крыши?

— В чердачное окно.

Александр посмотрел на Круглова.

— Вы проверяли чердак, когда вошли?

— Нет.

— Тогда проверим сейчас.

— Нет, — сказала Марина. — Сначала сообщим городовому, что в квартире пропала книга, а в окно, возможно, проникли. И скажем, что нас пытались запугать. Без имени, которого у нас нет, и без красивых догадок.

Агафья напряглась.

— Если вы приведёте сюда городских, они обыщут дом.

— Я не позволю им обыскивать вашу комнату без причины и вашего согласия. Но если кто-то вынес книгу отсюда, это уже не семейная тайна.

— А если в записях действительно есть имена живых людей?

— Тогда тем более нужно знать, где книга. Не чтобы отдать её первому чиновнику. Чтобы выяснить, кто решает, кому позволено читать чужую жизнь.

Агафья отвела взгляд. Это не было согласием, но страх в её лице впервые уступил место злости.

— Вы думаете, я отдала её из глупости?

— Нет. Думаю, вы испугались за отца и выбрали того, кто говорил увереннее остальных. Это не одно и то же.

Александр у двери тихо сказал:

— Я схожу за городовым. Круглов останется здесь.

Марина взглянула на него.

— Не один.

— Ты хочешь идти со мной?

— Нет. Я хочу, чтобы ты не решал за всех, что нужно делать дальше.

На миг у него дёрнулась скула. Он кивнул, принял ответ без спора и повернулся к Круглову.

— Ты останешься?

Круглов посмотрел на ушибленное плечо, потом на закрытую дверь.

— Теперь особенно.

Александр вышел. Марина услышала, как его шаги спустились на этаж ниже, затем стихли. Она собрала письмо, спрятала жетон в карман и снова посмотрела на свежую царапину у окна. Книга исчезла не чудом и не сама собой. Кто-то знал о тайнике, об окне и о том, что Агафья заговорит. А значит, первую цену уже заплатил человек, которого она пыталась защитить.

Из-за стены донёсся негромкий стук — один раз, потом второй. Агафья побледнела, но на этот раз не отступила.

— Это соседняя квартира? — спросила Марина.

— Да.

— Там кто-нибудь есть?

— Нет.

Марина подошла к двери и проверила засов. Он был сдвинут не до конца. Она точно помнила, как Агафья закрыла его.

— Круглов, оставайтесь у окна, — сказала она. — Агафья, отойдите от двери.

На площадке снова прозвучал стук. Теперь Марина различила между ударами короткий скрежет металла.

Кто-то с той стороны пытался открыть запертую квартиру соседей.

Марина не стала спрашивать, кто там. Вопрос мог дать незнакомцу понять, сколько их в комнате.

Она подняла ладонь, удерживая Агафью на месте, и прислушалась. Скрежет повторился: осторожный, короткий. Потом металл замер, будто тот, кто возился с замком, тоже услышал тишину за дверью.

Круглов отступил от окна и беззвучно показал на стол. На нём лежала тяжёлая чугунная чернильница. Марина качнула головой: шуметь и бросаться на дверь она не собиралась. Человек снаружи мог оказаться вооружённым, а мог просто ошибиться дверью. Ни того ни другого они пока не знали.

Она подошла к стене, не к самой двери, и постучала костяшками — три раза.

За стеной отозвался глухой стук. На этот раз не с площадки, а изнутри соседней квартиры.

Агафья втянула воздух.

— Там кто-то есть, — прошептала она.

Снаружи скрипнуло. Кто-то резко потянул ручку, потом в дверь ударили плечом. Дерево глухо вздрогнуло.

— Отойдите, — сказала Марина.

Она быстро проверила засов. Тот и правда был сдвинут, но не настолько, чтобы дверь распахнулась. Марина вдавила его в скобу, затем оглянулась на Круглова.

— Если он войдёт, не хватайте его. Закройте проход к комнате.

— А вы?

— Я буду говорить.

— Удобное занятие, — буркнул он.

— Для вас, возможно, нет.

Второй удар оказался сильнее. В замке что-то щёлкнуло. Марина успела отступить, прежде чем дверь распахнулась на ширину ладони и застряла в засове. В щели возникли пальцы в тёмной перчатке. Они шарили по внутреннему краю, пытаясь нащупать скобу.

Марина схватила дверную ручку и навалилась на неё всем весом.

— Уберите руку.

Пальцы исчезли. С площадки донёсся сдавленный мат.

— Кто вы? — спросила Марина.

Ответа не было.

— Здесь живёт хозяин квартиры?

— Нет, — выдохнула Агафья за её спиной. — Он давно уехал.

Снаружи снова зашуршало. Потом послышались быстрые шаги вниз по лестнице.

— Круглов, окно, — приказала Марина.

Он рванул к комнате, но уже через мгновение вернулся.

— Не вижу. Двор пустой.

Марина не открыла дверь. Она дождалась, пока на лестнице стихнет последний звук, и лишь тогда отступила. Агафья смотрела на соседнюю стену, словно ждала ещё одного удара.

— Там старик жил, — сказала она. — До весны. Кажется, он уехал к родне.

— По крайней мере, так говорил хозяин дома, — добавила Агафья.

— А ключи от квартиры у кого?

— У хозяйки. И у прежнего жильца, должно быть.

— У вас есть ключ?

— Нет.

Марина посмотрела на засов. На его краю блестела свежая металлическая царапина. Только теперь она вспомнила короткий стук шагов на площадке: после ответного удара из-за стены незнакомец отошёл от соседской двери и приблизился к их двери — следом дёрнулась ручка. Значит, сперва он пытался попасть в пустующую квартиру, а потом принялся за дверь Агафьи. Зачем ему понадобилось войти сюда, где заведомо были люди, Марина не понимала.

— Вы уверены, что квартира пустая? — спросила она.

Агафья замялась.

— Я слышала, как там иногда ходят.

— Когда?

— Ночью. Несколько раз. Думала, хозяин вернулся. Но свет не зажигался.

Круглов поморщился.

— Значит, у нас в доме кто-то прячется. Отлично.

— Значит, у нас есть свидетельство о звуках, — поправила Марина. — Остальное выясним с городовым.

— Пока он дойдёт, тот может вернуться, — сказал Круглов.

— Может. Поэтому дверь останется запертой.

Марина вернулась к столу и собрала бумаги в ровную стопку. Письмо она не стала отдавать Агафье, но и прятать от неё не собиралась. Девушка следила за каждым движением, будто ожидала, что Марина сейчас объявит: раз случилась беда, значит, отныне решения будут принимать за неё.

— Сначала скажите мне, — произнесла Марина, — кто знал о книге и тайнике.

— О тайнике — только отец и я.

— А о книге?

— Я говорила о ней господину Левицкому.

— Когда?

Агафья отвела глаза.

— Вчера. Он пришёл к отцу. Сказал, что может помочь с лечением. Я показала ему переплёт.

— Вы сказали, что книгу спрятали у себя?

— Нет. Он сам спросил, где она. Я ответила, что отец не отдаст её никому.

Марина не стала упрекать её. Вчера Агафья, по всей видимости, ещё надеялась, что чужая уверенность и обещание помощи могут удержать отца на ногах. Сегодня она уже знала цену обещаниям, но теперь опасность перестала быть отвлечённой.

— Левицкий знал про соседнюю квартиру?

— Не знаю.

— Он мог войти сюда?

— У него был повод. Он осматривал отца.

— И вы оставались с ним наедине?

— Нет. Отец был в комнате. Агафья подняла подбородок. — Не делайте вид, будто я сама впустила в дом всякого, кто попросил.

— Я не делаю. Я выясняю, у кого был доступ.

Круглов глянул на дверь.

— А тот, кто сейчас пытался войти?

— Мог быть тем же человеком, — сказала Марина. — Или знать, что книга пропала, и искать того, кто забрал её. Мы пока не знаем даже, связаны ли эти события.

— Но вы думаете, связаны.

— Я думаю, что после пропажи книги кто-то попытался открыть соседнюю квартиру, а до этого уже был у окна. Это достаточно, чтобы не считать происходящее случайностью. Но недостаточно, чтобы обвинять конкретного человека.

Снизу донёсся торопливый топот. Марина повернулась к двери и услышала голос Александра:

— Это я. Со мной городской.

Круглов шагнул к засову, но Марина остановила его жестом.

— Назовите, кого привели, — сказала она через дверь.

— Городовой Ефимов. Мы виделись утром у управы, — отозвался Александр.

— Агафья, вы знаете его голос?

— Нет.

Марина посмотрела на Круглова. Тот занял место у окна, откуда мог видеть лестничный пролёт. Она сняла засов, приоткрыла дверь и увидела Александра. За ним стоял невысокий городской с потёртой сумкой через плечо. Руки у обоих были на виду.

— Кто пытался открыть соседнюю квартиру? — спросил Александр.

— Ушёл вниз. Мы не видели лица.

— Вы открывали дверь?

— Нет. И не собираемся, пока не выясним, кому принадлежит квартира и кто вправе туда входить.

Городовой Ефимов кивнул, словно такой ответ его устраивал.

— Сначала осмотрю замок и площадку. Потом опрошу хозяйку. Ничего трогать не будем.

Он внимательно посмотрел на царапины у скважины, затем заметил след на засове. Достал карандаш и сделал пометку в маленькой книжке.

— Тут пытались войти отмычкой. Неумело, но пытались. А это на засове изнутри?

— Да, — сказала Марина. — Дверь была заперта, но не до конца.

— Кто-нибудь выходил из вашей комнаты после моего спутника? — спросил он.

— Нет.

Ефимов перевёл взгляд на Агафью.

— Вам угрожали?

— Нет. Пока.

— А мне говорили, будто я пришёл за письмом, — добавила Марина. — И книгу из комнаты унесли. Письмо, которое мы нашли, сейчас при мне. Прежде чем вы попросите его для осмотра, я хочу знать, на каком основании вы его заберёте.

Александр едва заметно нахмурился, но не перебил.

— Не заберу, — сказал Ефимов. — Можете показать, не выпуская из рук. Если там есть сведения о краже, я запишу, что видел.

— Так и сделаем.

Ефимов выслушал её рассказ, не торопя и не подсказывая. Марина называла только то, что видела сама: открытую створку, свежие следы у рамы, отсутствие книги, попытку открыть дверь соседей. Когда он попросил указать время, она сверилась с часами на стене и отдельно отметила, где могла ошибаться на несколько минут.

В конце он закрыл книжку.

— Хозяйку найду. Чердак тоже проверим, но только с её ключом и при свидетелях. Если там кто-то есть, входить без поддержки не стану.

— Правильно, — сказала Марина.

Агафья подняла на неё глаза. Впервые за всё утро в её лице появилось не облегчение, а внимание: она услышала, что Марина не собирается торговаться чужой безопасностью ради быстрого ответа.

Александр тем временем смотрел на царапину в замке.

— Я мог бы пройтись по двору, — сказал он. — Если он ещё рядом...

— Мог бы, — ответила Марина. — Но не один и не потому, что решил, будто так быстрее. Он помолчал, затем повернулся к Ефимову:

— Пойдёмте вместе. Сначала спросим жильцов, не видели ли они человека на лестнице.

— А чердак?

— После хозяйки, — сказал Александр.

Ефимов забрался за сумкой и вынул чистый лист для записи показаний. Круглов сел у окна, не выпуская из виду двор. Агафья наконец подошла к столу и придвинула к себе письмо, не прося Марины отдать его.

Когда городской предложил опечатать комнату до осмотра, Марина посмотрела на девушку.

— Решать вам. Если согласитесь, печать поставят при вас. Если нет — мы запишем отказ и причину.

Агафья не ответила сразу. Потом выпрямилась.

— Печать. Но книгу ищут не только ради меня. Я хочу присутствовать при каждом осмотре.

Ефимов посмотрел на неё без снисхождения.

— Так и запишем.

Он вывел строку в книжке и протянул Агафье карандаш. Та подписалась дрожащей рукой, но сама, не глядя на Марину. В комнате стало теснее от людей и яснее от сказанного: теперь у пропажи была официальная запись, у попытки взлома — свидетель, а у Агафьи — право остаться участницей собственного дела.

Ефимов убрал книжку во внутренний карман и попросил всех выйти в коридор. Не приказал — попросил, и Марина отметила это про себя. После утренней суматохи любое резкое слово могло заставить Агафью снова замкнуться.

— Я останусь, — сказала девушка.

— Оставайтесь, — согласился городской. — Только у двери. В комнату войдём вместе с вами и хозяйкой, когда найдём её ключ.

Агафья встала рядом с Мариной. Письмо она держала обеими руками, словно боялась, что его отнимут, хотя никто больше не протягивал к нему пальцев.

На лестнице пахло остывшей печью и мокрой шерстью. У площадки под крышей стоял Круглов, широкоплечий и непривычно тихий. Ефимов переспросил, слышал ли тот кого-нибудь за стеной, и получил в ответ короткое покачивание головы.

— Только шаги. Сначала вверх, потом вниз. Я решил, что кто-то из жильцов.

— Во сколько?

Круглов назвал время, но тут же добавил, что на часы не смотрел. Марина попросила его показать, где он находился. Он указал на подоконник в конце коридора: оттуда были видны двор и калитка, зато лестничную дверь закрывал простенок.

— Значит, выхода вы не видели, — заключила она.

— Не видел.

Ефимов записал это без комментариев.

Из комнаты напротив осторожно выглянула женщина в шерстяном платке. За её спиной маячил мальчик лет десяти. Женщина представилась Дарьей Игнатьевной и сказала, что утром носила воду с кухни, но незнакомца не встречала. Мальчик, напротив, вдруг потянул её за рукав.

— Я видел сапоги.

— Где? — спросил Ефимов.

— У двери Агафьи. Ночью. Я проснулся, когда кто-то задел ведро.

Дарья Игнатьевна прижала ладонь к плечу сына.

— Пашка бредит спросонья.

— Может быть, — сказал Ефимов. — Но пусть расскажет сам. Когда это было?

Мальчик вцепился в край материнского платка. Сначала ответил, что не знает. Потом пояснил: часы на кухне пробили один раз, а после — ещё раз, когда он уже лежал в постели. Марина не стала подсказывать, сколько это могло быть. Ефимов тоже не торопил. В конце концов Пашка назвал промежуток между полуночью и двумя часами.

— Лицо видел?

— Нет. Только сапоги и край пальто. Он дверь не открывал. Стоял, будто слушал.

Агафья побледнела, но не отступила. Её пальцы сжались вокруг письма.

— Вы тогда мне ничего не сказали, — произнесла она, обращаясь к мальчику.

— Я думал, это Круглов. У него такие же сапоги.

Круглов посмотрел на свои потертые ботинки.

— Не мои, — сказал он. — У меня левый каблук оббит. А тот...

Он осёкся, заметив, что Ефимов смотрит на него.

— Что тот?

— Я утром видел отпечаток у задней двери. Каблук был широкий, с металлической скобой. Не мой.

Ефимов попросил показать место. Пока они спускались, Марина задержалась возле двери Агафьи. У самого порога, там, где доска была вытерта до светлого дерева, виднелась узкая тёмная полоска. Не грязь: полоска блестела, как свежая царапина.

— Это было вчера? — спросила она.

Агафья наклонилась.

— Не знаю. Вчера вечером я здесь уронила ключ, но доска уже была поцарапана. Кажется.

— Не кажется, — заметил Александр. — Если ключ оставил след, он должен быть другой формы.

Он не коснулся царапины, лишь присел, чтобы рассмотреть её сбоку. Марина поймала себя на том, что собирается похвалить его за осторожность, и удержалась. Похвала была бы лишней; он просто не стал трогать то, что могло оказаться доказательством.

Во дворе Ефимов осмотрел землю у задней двери. Ночная сырость сохранила вдавленный след, но не весь: утром по нему успели пройти жильцы. Рядом нашлись две мелкие вмятины, будто кто-то поставил на землю тяжёлую сумку. Круглов показал, где видел каблук со скобой, и отошёл, предоставив городовому решать, что делать дальше.

— Человек мог войти со двора, подняться и уйти тем же путём, — сказал Александр.

— Мог, — ответил Ефимов. — Мог и прийти с улицы, а уйти через калитку. Пока мы знаем только, что следы есть. И что книга пропала.

Он велел не трогать заднюю дверь и отправил Круглова за хозяйкой. Та нашлась у соседки через двор, куда ушла одолжить муку. Вернулась сердитая, с ключами в переднике, но злость быстро сменилась испугом, когда она увидела Ефимова.

— Что ещё стряслось?

— Пропала книга из комнаты Агафьи. Нужно осмотреть чердак и лестницу. Вы будете присутствовать.

— Да кто ж мне не даст? Мой дом.

Агафья шагнула вперёд.

— Я тоже буду.

Хозяйка свела брови, словно собиралась возразить, но промолчала. Ключ от чердака она сняла с кольца. Прежде чем вставить его в замок, Ефимов спросил, кто ещё им пользовался. Хозяйка перечислила себя, Круглова и дворника, которого в тот день не было. Круглов подтвердил, что ключ брал только на прошлой неделе, чтобы поправить заедавшую задвижку.

Лестница под крышей была крутая и узкая. Пыль на ступенях лежала неровно: у стены тянулась чистая полоса, словно там недавно протасили что-то длинное. Марина поднялась последней, но остановилась на площадке. Чердак освещала маленькая слуховая рама, и свет из неё падал на ряд сундуков и завёрнутую в мешковину мебель.

Ефимов попросил никого не расходиться. Сначала осмотрел замок и петли, затем разрешил хозяйке открыть дверь. Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то резким — машинным маслом или смазкой для замков.

— Ключ был у вас, — сказал городской хозяйке.

— Всё время.

— Тогда посмотрим, что здесь трогали.

Они шли не спеша, по одному, не переступая через вещи. За первым сундуком лежала оброненная пуговица. У окна нашли следы на пыльном подоконнике — свежие, но неясные: тот, кто их оставил, мог облокотиться рукой или поставить туда коробку.

Агафья держалась у двери. Марина видела, как она старается смотреть на чердак, а не на Александра. Он же не отрывал взгляда от пола.

В дальнем углу, за старой ширмой, обнаружилась низкая дверца, ведущая в узкий пролёт между стеной и скатом крыши. Хозяйка уверяла, что там ничего нет, кроме обрезков досок. Дверца была закрыта на задвижку снаружи. На металле блестела свежая царапина.

— Ключ к ней нужен? — спросила Марина.

— Нет. Задвижка с этой стороны, — сказала хозяйка. — Я её сама ставила, чтобы дети не лазили.

Ефимов велел Александру не открывать, пока не осмотрит крепление. Тот послушался. Задвижка сдвинулась легко, без скрипа. Внутри лежали обрезки, старый таз и пустой мешок. Книги не было.

Агафья тихо выдохнула. Не облегчённо — скорее так, будто надеялась, что отсутствие книги окажется ошибкой, и теперь поняла, насколько напрасно ждала.

— Здесь её нет, — сказал Ефимов. — Но кто-то мог использовать этот проход, чтобы укрыться или передать что-то через стену.

Он заглянул в узкий промежуток и нашёл на полу свежую крошку кирпича. Она была не пыльной, а красной, с острым краем. Марина посмотрела на стену: за ней располагалась комната Агафьи. Если кирпич откололся из кладки, кто-то пытался добраться до соседнего помещения. Если его принесли с собой, это могло быть простым мусором. Ни одна версия не становилась доказанной от одного взгляда.

Ефимов аккуратно завернул крошку в бумагу.

— Проверим кладку с другой стороны. Не сегодня, если придётся разбирать стену. Сначала спросим хозяйку и посмотрим, нет ли следов ремонта.

— А книгу? — спросила Агафья.

— Будем искать. И спрашивать людей. Вы вправе знать, что именно мы делаем, и не обязаны отдавать письмо или уезжать по первому требованию.

Девушка коротко кивнула.

Внизу Александр остановился у двери во двор. Его взгляд задержался на скобе, вбитой в косяк. Рядом с ней на краске осталась тёмная масляная отметина, похожая на след от пальца.

— Замок смазывали недавно, — сказал он. — Иначе дверь скрипела бы громче.

Хозяйка нахмурилась.

— Я не смазывала.

Круглов подошёл ближе, но не коснулся косяка.

— Вчера тут работал слесарь. Чинил задвижку.

— Имя? — спросил Ефимов.

Хозяйка замялась. Она помнила только, что его привёл человек из соседнего двора и что платил он не деньгами, а старой книгой в переплёте. При этих словах Агафья резко подняла голову.

— Какой книгой?

— Не знаю. В серой обложке. Я не смотрела.

Марина взглянула на Ефимова, но тот уже записывал показания. Ни у кого не было права назвать книгу той самой, пока её не нашли. Однако положение изменилось: пропажа перестала быть только исчезновением из комнаты. Кто-то заранее имел доступ к замку, знал дом и мог заплатить за работу не деньгами.

Агафья посмотрела на закрытую дверь, потом на Марину.

— Я не хочу, чтобы письмо забирали. Но я хочу знать, что в нём написано.

— Это ваше право, — ответила Марина. — И вы можете решить, кому его показать.

Александр отвёл взгляд от двери.

— Если там есть имя, оно может привести к тому, кто взял книгу.

— Или к тому, кто не хочет, чтобы её нашли, — сказала Марина. — Это разные вещи.

Ефимов закрыл книжку.

— Пока мы не знаем, что именно в письме. Я опрошу слесаря и человека, который его привёл. Никто не будет входить в комнату без вашего согласия.

Агафья крепче прижала письмо к груди. За её спиной хозяйка начала собирать ключи, звякая ими так громко, будто хотела заглушить собственные мысли. А Марина впервые увидела на лице Александра не спор и не сдержанное раздражение, а сомнение — он тоже понял, что здесь можно было добиться быстрого ответа, только заставив Агафью отдать то, что принадлежало ей.

Он ничего не попросил. И Марина не стала принимать это за обещание.

Глава 2. Правило, которого не было

Ефимов ушёл первым, забрав с собой только записную книжку. Хозяйка задержалась у двери, будто ждала, что кто-нибудь передумает и потребует от неё ключи. Потом сунула их в карман и вышла следом за ним.

Агафья не двинулась.

— Я могу посидеть здесь, пока вы читаете? — спросила Марина.

— Вы уже читаете.

— Пока я только смотрю на вас.

На миг в лице Агафьи мелькнуло что-то похожее на улыбку, но тут же исчезло. Она положила письмо на стол, не выпуская его из-под ладони.

Александр стоял у окна. По стеклу стекали дождевые струйки, сливаясь в мутные дорожки. Он не вмешивался, однако Марина замечала, как он следит за каждым движением Агафьи.

— Я не хочу, чтобы его уносили, — сказала та. — Но и читать при всех не стану.

— Тогда не будем, — ответила Марина.

Агафья посмотрела на неё с недоверием, словно ждала оговорки. Марина придвинула к ней стул и отступила к шкафу с переплётками. Не потому, что бумага могла внезапно стать опасной, а потому, что иногда человеку нужно видеть свободное место между собой и теми, кто задаёт вопросы.

Александр от окна отошёл.

— Я принёс кое-что, — сказал он. — Не из комнаты Агафьи и не из отеля.

Он вынул из внутреннего кармана сложенный лист, бережно расправил его на свободном углу стола. Бумага была плотная, с водяным знаком в виде трёх волн. Внизу темнела подпись, почти стёртая по сгибу.

— Что это? — спросила Марина.

— Выписка из журнала почтовой конторы. Мой отец хранил копии старых отправок. Несколько лет назад я разбирал его бумаги и нашёл её среди счетов. Тогда не придавал значения.

— А теперь придали?

— После того, как увидел письмо.

Агафья убрала ладонь со старого конверта, но не отодвинулась.

Марина прочла запись вслух, медленно, сверяя неровные строки:

— «Пакет заказной. Адресат: гостиница у Каменного спуска, для госпожи Л. Воронцовой. Отправитель не указан. Возврат по истечении срока». Дата — восемнадцатое октября, двадцать лет назад.

— Гостиницы у Каменного спуска давно нет, — сказала Агафья.

— Здание стоит, — возразил Александр. — Там теперь склад лесоторга. Но почта могла идти через отель.

— А фамилия? — спросила Марина. — В письме, которое нашли у вас, она есть?

Агафья не ответила. Пододвинула конверт к себе и повернула так, чтобы свет падал на выцветшие строки. Марина не наклонилась ближе.

— Воронцова, — наконец сказала Агафья. — Так звали мою мать до замужества.

Александр опустил взгляд на выписку.

— Значит, письмо было адресовано ей.

— Не значит. Воронцовых в Белоречье хватало, — сказала Марина. — И дата сама по себе ничего не доказывает. Нужно понять, что за пакет, когда его приняли и кто мог знать этот адрес.

— Я могу найти почтового служащего, который тогда работал, — сказал Александр. — Если он ещё жив.

— Сначала покажите, откуда взялась выписка, — попросила Марина.

Он подал ей лист. На обороте имелась пометка чернилами: «Сверено с подшивкой. 3 ноября». Под ней — инициалы и короткая черта, словно перо дрогнуло.

— Кто сверял?

— Не знаю. Почерк отцовский только в дате. Остальное мог записать любой.

— Значит, это независимое свидетельство лишь наполовину.

— Я и не говорил, что оно полное.

В его голосе не было ни обиды, ни вызова. Это насторожило Марину сильнее, чем если бы он стал настаивать. Александр обычно спорил, когда видел перед собой стену. Теперь он словно оставлял ей возможность самой решить, насколько близко подпускать его к этому делу.

— Где хранилась подшивка? — спросила она.

— В старом отделении почты. Отец служил там до пожара.

Агафья резко подняла голову.

— Какого пожара?

— В архивной комнате. Четырнадцать лет назад. Сгорели журналы за несколько лет, но подшивка, судя по этой выписке, уцелела или её успели вынести.

— Вы знали об этом и раньше, — сказала Марина.

— О пожаре — да. О том, что в бумагах есть запись о письме вашей матери, — нет.

Агафья снова накрыла конверт ладонью.

— Вы всё время говорите «вашей матери», будто уже решили, что это оно.

— Я этого не решал, — ответил Александр. — Но хочу знать, кто его отправил.

— И если узнаете?

— Тогда решать будете вы.

Он произнёс это без торжественности. Марина отметила не обещание, а границу, которую он наконец назвал вслух. Граница могла исчезнуть при первом удобном оправдании — ради безопасности, ради правды, ради того, чтобы никто больше не пострадал.

— Тут есть ещё одна дата, — сказала она, указывая на приписку. — Третье ноября. Через шестнадцать дней после отправки. Это дата проверки журнала или дата, когда копию сделали?

— Не знаю, — признал Александр.

— Тогда нам нужен тот, кто сверял запись.

— И тот, кто принял пакет, — добавила Агафья. — Если жив.

Марина взглянула на неё.

— Вы знаете, кто это мог быть?

Агафья долго молчала. За стеной скрипнула половица; в коридоре кто-то прошёл и остановился. Ни стука, ни голоса. Только тишина, от которой комната казалась теснее.

— Старик Лунёв, — сказала она наконец. — Он жил у почты, в доме с зелёными ставнями. Мама однажды упомянула его. Сказала, что он вернул ей письмо, которого она не ждала.

— Когда?

— Не знаю. Я была маленькой.

Марина не стала спрашивать, почему Агафья прежде об этом не сказала. Память редко выдаёт нужное по команде, а страх способен заставить человека замолчать даже о том, что он сам считает неважным.

Александр сложил выписку, но Марина остановила его жестом.

— Оставьте её у меня. Не как доказательство, а как документ, который нужно проверить. Он помедлил и положил лист на стол.

— Хорошо.

Агафья подтянула конверт к себе.

— Я не отдам его в архив.

— Никто не просит, — сказала Марина. — Но если мы поедem к Лунёву, вы должны решить сами, хотите ли говорить с ним. Без вас мы можем спросить только о записи и не показывать письмо.

— А если он узнает конверт?

— Тогда мы выслушаем, что он скажет. И не будем решать за вас, что с этим делать.

Агафья взглянула на Александра, затем на Марину.

— Завтра утром. Я поеду с вами.

Это изменило всё: до этой минуты они могли искать прошлое вокруг неё, оберегая её от каждой неприятной подробности. Теперь Агафья сама выбрала войти в него — не отдав письмо и не уступив право решать.

У двери снова раздались шаги. На этот раз не остановились. Марина убрала выписку в папку и записала на обложке имя Лунёва, адрес старой почты и обе даты. Когда она подняла голову, Александр уже отступил от стола, оставляя между собой и Агафьей свободный проход.

Утром дождь перестал, но Белоречье ещё не просохло. На мостовой блестели лужи, с карнизов падали редкие капли. Марина пришла к старой почте раньше назначенного часа и застала у ворот Александра. Он держал в руках сложенный лист, прикрывая его от ветра.

— Это не выписка, — сказал он, заметив её взгляд. — Другая запись. Нашёл вчера вечером, когда вернулся в контору.

Марина не взяла лист сразу.

— Вы проверяли её сами?

— Сличил с книгой поступлений. Агафья должна увидеть прежде, чем мы решим, что с этим делать.

Он не стал объяснять, почему не показал запись вчера. Марина тоже не спросила. Важнее было то, что он принёс её не к себе и не к Ефимову, а туда, где могла прочесть Агафья.

Она подошла к воротам. Дом с зелёными ставнями стоял за низким штакетником, немного в стороне от почтового двора. Одна ставня висела на перекошенной петле. Над дверью темнел след от снятой вывески; остались только два ржавых крюка. Агафья уже ждала на крыльце, в тёмном пальто и с конвертом, спрятанным во внутренний карман.

— Вы сказали, что не станете показывать письмо, — напомнила она Александру.

— Не стану, — ответил он. — Здесь запись о пакете. Имени отправителя нет.

— А имя получателя?

— Есть.

Агафья опустила глаза на лист.

— Тогда покажите.

Александр развернул бумагу, но держал её так, чтобы читать могла только она. Марина видела лишь ровные столбцы и выведенную на полях дату: третье ноября.

Агафья прочла строку, затем перечитала.

— Это мамина фамилия.

— Полностью? — спросила Марина.

— Зорина. И адрес. Наш старый, на Лесной улице.

Марина посмотрела на Александра.

— Откуда запись?

— Из книги вручения за тот год. Книгу принесли в архив вместе с почтовыми ведомостями. Строка отмечена как возврат невручённого пакета. Получатель — Вера Зорина. Отправитель не указан. Агафья сразу насторожилась: её мать звали Варварой, и пока не было причин считать Веру Зорину тем же человеком. В примечании: «вручить лично, не передавать через соседей».

— Значит, пакет вернули? — спросила Агафья.

— Так написано, — ответил Александр. — Но я не знаю, тот ли это пакет.

— И вы не знаете, что было внутри, — добавила Марина.

Он встретил её взгляд.

— Не знаю.

В этом признании не было ни раздражения, ни попытки сделать из догадки факт. Марина взяла лист только после того, как Агафья кивнула. Бумага была тонкая, с выцветшим штампом. Номер отправления совпадал с номером на выписке, которую Александр принёс накануне. Теперь две записи связывала не память старика и не сходство почерка, а одинаковый номер.

— Это независимое свидетельство, — сказала она. — Но пока оно подтверждает лишь, что отправление с этим номером предназначалось Вере Зориной и вернулось невручённым. Связь с вашей матерью ещё предстоит установить.

Агафья коснулась кармана, где лежал конверт.

— А если он вернулся к отправителю?

— Тогда в книге должен быть следующий след, — ответил Александр. — Но его я не нашёл.

— Вы искали?

— До закрытия архива. Сегодня продолжу.

Агафья уже подняла руку, чтобы постучать, когда дверь открылась изнутри. На пороге стоял сухой старик в жилете поверх рубахи. Его лицо было узким, глаза — светлыми и внимательными. Он посмотрел сперва на Агафью, потом задержал взгляд на листе в руках Марины.

— Вы из почты? — спросил он.

— Мы пришли к Лунёву, — сказала Марина. — Нам сказали, он жил здесь.

— Жил. И живёт, если это кому-то важно.

— Вы Лунёв?

— А вы кто?

— Марина Зорина. Это Агафья Зорина. Александр Белый.

Услышав фамилию, старик чуть отступил, освобождая проход. Не приглашая войти — просто перестал загроживать дверь.

— Зорина, — повторил он. — Давно не слышал.

— Вы знали мою мать? — спросила Агафья.

— Знал, что она ждала письмо. Не знал, от кого.

Агафья замерла.

— Вы вернули его ей?

Лунёв посмотрел на Агафью, но не попросил показать письмо.

— Я ничего не возвращал. Пакет передали мне на хранение, чтобы не оставлять на почте. Потом я отнёс его по адресу.

— Когда? — спросила Марина.

— На следующий день после отметки о возврате. Там, кажется, не было печати о повторном вручении. Я решил, что с бумагами разобрались без меня.

— Вы лично отдали пакет Вере Зориной? — Марина говорила ровно, не торопясь заполнять паузу догадкой.

Лунёв сжал губы.

— Нет. Дверь открыла соседка. Сказала, что Вера уехала и неизвестно когда вернётся. Я спросил, можно ли оставить ей. Она сказала, что передаст.

— Имя соседки помните?

— Нина Аркадьевна. Она жила через двор. Дом давно разобрали.

— А пакет вы ей отдали?

— Нет. Я вернул его на почту.

Александр нахмурился.

— В книге он отмечен как возвращённый без вручения адресату.

— Тогда запись верная, — отрезал Лунёв. — Я его в чужие руки не отдавал. И подпись Веры там стоять не могла.

На крыльце повисла тишина. Где-то за домом хлопнула калитка. Агафья вынула конверт из кармана, но не открыла и не протянула старику.

— Вы помните, как выглядел пакет?

Лунёв долго смотрел на её пальцы.

— Серый, бечёвкой перевязан. Не письмо в конверте. На уголке была вмятина, будто его прижали чем-то тяжёлым. Я тогда подумал, что внутри книга или тетрадь.

— Что-то ещё?

Он нахмурился, перебирая память.

— Под бечёвкой застряла пуговица. Простая, тёмная. Я вытащил её, когда развязывал узел, чтобы прочесть адрес. Пуговица до сих пор у меня. Зачем храню — не знаю.

Он исчез в доме и вернулся с жестяной коробкой. Из неё достал небольшую чёрную пуговицу с потёртым ободком. Марина не стала брать её без разрешения; Агафья сама протянула ладонь. Пуговица легла в неё почти невесомо.

— Это не доказательство, что пакет был вашим, — предупредила Марина. — Но теперь у нас есть предмет, который можно сравнить с тем, что сохранилось у вас.

Агафья накрыла пуговицу второй рукой.

— А ещё у нас есть запись, что пакет вернули без вручения названной получательнице. Но кто тогда поставил отметку о возврате и где находился пакет, неизвестно.

— Поэтому нужно проверить отдельную ведомость возврата, — сказал Александр. — Пока не найдём ведомость с подписью, утверждать нельзя.

— Наконец-то, — произнёс Лунёв. — Хотя кто-то здесь понимает разницу между написанным и случившимся.

Марина взглянула на него:

— Вы готовы повторить это Ефимову?

Старик помедлил.

— Если он придёт без толпы и не станет записывать за меня то, чего я не говорил.

— Я передам ему ваши условия, — сказала Марина.

Агафья спрятала пуговицу в карман, отдельно от конверта. Теперь у них было не только имя получателя: появилась документально отмеченная попытка возврата невручённого пакета и свидетель, готовый объяснить её обстоятельства. Ошибки в этой отметке пока не обнаружили. Но ответ на главный вопрос — кто отправил пакет и что в нём было — по-прежнему оставался закрыт.

На обратном пути Александр шёл рядом, не пытаясь взять у Агафьи конверт или заговорить первым. Марина заметила, что он смотрит на лист с номером отправления, который она сложила и убрала в папку.

— Вы могли показать это вчера, — сказала она.

— Мог.

— Почему не показали?

— Хотел сначала убедиться, что запись существует. Если бы я принёс одну строку, вы бы справедливо спросили, откуда она взялась.

— Я всё равно спросила.

— Да. Но теперь у меня есть ответ.

Он не улыбнулся, и Марина не стала принимать его слова за обещание безупречности. Запись оставалась записью, ошибка — ошибкой, а решение о письме принадлежало Агафье. Пока это было единственным правилом, которому они могли доверять.

В отеле уже зажигали фонари, хотя до темноты оставалось ещё время. В каждом стекле дрожал жёлтый огонь, и от этого коридор казался длиннее, чем утром. Марина вошла первой, придержала дверь для Агафьи и только потом заметила, что Александр задержался у крыльца.

Он смотрел на противоположную сторону улицы. Там, под навесом лавки, стоял человек в сером пальто. Лица его не было видно, но Марина успела разглядеть в руке плоскую тёмную папку. Когда Александр обернулся, незнакомец отвернулся к витрине.

— Вы его знаете? — спросила Марина.

— Нет.

— Тогда почему смотрите так, будто знаете?

— Потому что он смотрит на нас так, будто знает меня.

Агафья остановилась в дверях.

— Это тот человек, что приходил утром?

— Вы его видели? — Марина повернулась к ней.

— Не лицо. На лестнице мелькнула рука. Пальто было такое же. Я тогда решила, что мне показалось.

Александр спустился с крыльца, но Марина взяла его за рукав. Жест вышел резче, чем она хотела.

— Не сейчас. Если он ждёт, что вы побежите следом, не станем ему помогать.

— Он может уйти.

— Пусть. Нам важнее понять, что он уже успел сделать здесь.

В холле пахло углём, мокрыми пальто и старым воском. За стойкой никого не было. На колокольчике лежала записка, прижатая медной монетой: «Буду в кладовой». Марина подняла её, прочла и сразу положила обратно.

— Почерк хозяйки? — спросила Агафья.

— Похож, — ответил Александр. — Но записка могла лежать здесь с утра.

Марина толкнула дверь в кладовую.

Хозяйка отеля стояла у стола и держала в руках связку ключей. Перед ней лежал раскрытый журнал постояльцев. Одна из страниц была вырвана аккуратно, по самому корешку. На столе остались только короткие белые волокна.

— Кто это сделал? — спросила Марина.

Хозяйка вздрогнула.

— Я думала, вы знаете.

— С чего бы?

— Утром приходил молодой человек. Сказал, что от господина Ефимова. Попросил посмотреть старые записи о жильцах. Я не дала ему журнал, только открыла нужную страницу. Потом он сказал, что лучше перепишет сведения в отдельную ведомость. Я отвернулась за чернилами...

— И он вырвал лист, — закончил Александр.

— Я не видела.

— Но слышали?

Хозяйка поджала губы.

— Слышала, как хлопнула дверь.

Марина наклонилась над журналом. На соседней странице сохранилась половина записи: дата, фамилия и номер комнаты. Ниже начиналась строка, которую вырвали вместе с листом. Оставшийся край был испачкан тёмным воском.

— Какой человек? — спросила она.

— Лет тридцати. Высокий. Без шапки. На правой руке тёмная пуговица, кажется, не хватало одной.

Агафья резко вдохнула.

В кармане у неё лежала пуговица Лунёва.

Александр посмотрел на Марину, но ничего не сказал. Она открыла папку и вынула лист с номером отправления. Рядом положила копию записи, которую он принёс. Цифры совпадали. Дата тоже.

— Что было написано на вырванной странице? — спросила Марина.

Хозяйка отвела взгляд.

— Запись о постоялице. Её звали Варвара Сафонова. Приехала в ноябре, остановилась на одну ночь.

Агафья побледнела.

— Мою мать звали Варвара. А в почтовой записи — Вера. Почему мы решили, что это запись о маме?

— Вы знали, что она была здесь? — Марина спросила тихо, без нажима.

— Нет.

Хозяйка сжала ключи.

— Она приехала поздно. Сказала, что ждёт письмо и не хочет, чтобы её искали. Утром уехала. Я запомнила только фамилию, потому что она долго не могла решить, как записаться. Сначала назвалась Сафоновой, потом сказала, что это девичья фамилия.

— А вырванный лист нужен был тому человеку, чтобы скрыть именно эту запись, — сказал Александр.

— Или чтобы мы так подумали, — ответила Марина. — Где сейчас остальные журналы?

— В кабинете. Но там нет ничего старше десятого года.

— Покажите.

Хозяйка не двинулась.

— Я уже достаточно сделала.

— Вы позволили незнакомому человеку вырвать страницу из журнала. Теперь от вас зависит, исчезнет ли ещё что-нибудь.

— Вы говорите так, будто я ему помогала.

— Нет. Я говорю, что страх тоже иногда становится помощью для того, кто давит.

Хозяйка подняла на неё глаза. В них был стыд, но не покорность.

— Кабинет направо. Ключ у меня.

Они прошли в узкую комнату за лестницей. Здесь хранились старые счётные книги, квитанции и пачки писем, перевязанные бечёвкой. На верхней полке стоял ряд переплётов в потёртой коже. Александр снял один, поставил на стол и раскрыл.

Марина заметила на внутренней стороне обложки маленькое пятно воска. Такое же тёмное, почти чёрное, осталось на краю вырванной страницы.

— Вы раньше видели этот след? — спросила она.

Хозяйка покачала головой.

— Нет.

Агафья подошла к столу. Письмо в её конверте шуршало, когда она сжимала его в кармане.

— Моя мать была здесь, — сказала она. — И кто-то знал, что эта запись существует.

— Знал или искал вслепую, — поправил Александр. — Нам нельзя превращать каждое совпадение в доказательство.

Марина повернулась к нему.

— А что для вас будет доказательством?

Он посмотрел на вырванный край журнала.

— Подпись. Или свидетель, который видел, как человек забирает страницу.

— Свидетель у нас есть. Хозяйка видела его руку.

— Она видела пуговицу, а не лицо.

— Зато описание совпадает с предметом, который был под бечёвкой у Лунёва.

— Совпадает не значит принадлежит одному человеку.

— Вы сами только что потребовали не путать написанное со случившимся. Не путайте осторожность с бездействием.

Александр замолчал. В его лице появилось то самое выражение, которое Марина уже видела раньше: не раздражение, а необходимость решить, чем он готов пожертвовать ради правды.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист.

— Я не показал вам ещё одну вещь.

Марина не протянула руку. Она дождалась, пока он сам развернёт бумагу.

Это была служебная копия почтовой ведомости. Внизу стояла подпись Александра Белого. Дата относилась к тому же месяцу, когда Варвара Сафонова ночевала в отеле.

— Вы работали на почте? — спросила Агафья.

— В архивной службе. Недолго.

— И вы подписали эту ведомость?

— Да.

— Что в ней?

— Перечень отправлений, переданных на ночную сортировку. Номер вашего пакета там есть. Но рядом стоит отметка о возврате.

Марина взяла лист.

— Почему вы не показали его раньше?

— Потому что возврат оформлен моей рукой.

В комнате стало тихо. Даже за стеной перестали двигать посуду.

— Вы вернули письмо? — спросила Агафья.

— Нет. Я отметил возврат по чужому сообщению. Тогда мне сказали, что адресат не найден. Я не проверил. Поставил подпись, потому что торопился закрыть смену.

— А потом письмо исчезло.

— Да.

— И теперь вы хотите, чтобы я доверила вам его содержание?

Александр выдержал её взгляд.

— Нет. Я хочу, чтобы вы знали, почему эта запись существует. Я ошибся не сегодня и не из-за вас. Но если бы я проверил всё тогда, вашей матери не пришлось бы ждать ответа, которого она могла никогда не получить.

Агафья отвернулась к окну. На стекле темнели капли дождя. Она достала конверт и положила его на стол между ними.

— Я сама решу, открывать его или нет.

— Конечно, — сказал Александр.

Марина увидела, как он отодвинулся от стола. Не на шаг, а ровно настолько, чтобы не казалось, будто он ждёт награды за признание.

Внизу хлопнула входная дверь.

Хозяйка выглянула в коридор и тут же вернулась.

— Человек в сером пальто ушёл. Но перед этим он оставил у стойки вот это.

Она положила на стол маленький конверт без адреса. Бумага была чистой, без печати. Только на сгибе темнело восковое пятно.

Агафья побледнела.

— Это не моё.

Марина не коснулась конверта.

— Тогда почему он оставил его здесь?

Александр посмотрел на свою подпись, на старый журнал и на чужой конверт.

— Потому что теперь он знает, что мы нашли запись.

Марина подняла глаза на Агафью.

— Открывать будем только с вашего согласия.

Агафья долго молчала, потом положила ладонь на конверт, но не вскрыла его.

— Пока нет, — сказала она. — Сначала мы найдём человека, который вырвал страницу. А письмо останется закрытым, чтобы он не получил от нас ответа.

Агафья убрала ладонь с конверта, но отодвигать его не стала. Марина придвинула к нему пустую папку, не накрывая и не касаясь бумаги.

— До утра он останется здесь, — сказала она. — Если вы передумаете, решите сами.

— А если он вернётся? — спросила хозяйка.

— Тогда ему придётся объяснить, зачем он пришёл.

Александр посмотрел на часы. До закрытия почтового архива оставалось меньше полу- часа.

— В ведомости есть отметка о ночной сортировке. Если там сохранилась книга передачи, мы сможем установить, кто принял пакет после меня.

— Вы знаете, где искать? — спросила Марина.

— Знаю, где я искал бы тогда. Но не знаю, сохранили ли книгу.

Агафья насторожилась.

— И вы хотите, чтобы мы пошли туда сейчас?

— Нет, — ответил Александр. — Я хочу сам проверить, можно ли получить запись без вашего участия. Вас уже достаточно втянули в это дело.

— Не решайте за меня, что для меня достаточно, — сказала она.

Он замолчал. Марина заметила, как он сжал пальцы, словно удерживал ответ, который прежде счёл бы разумным.

— Вы правы, — произнёс он наконец. — Тогда предлагаю так: мы с Мариной идём в архив. Вы остаётесь здесь, если хотите. Или идёте с нами, но ничего не подписываете и никому ничего не отдаёте.

Агафья перевела взгляд на конверт.

— Я останусь. Не хочу, чтобы его здесь не было, когда этот человек вернётся.

— Хозяйка будет с вами, — сказала Марина.

— Я никуда не собиралась, — отозвалась та. — И дверь запру.

Марина посмотрела на Александра. Он ждал не её согласия, а ответа Агафьи. Это было мелкое изменение, почти незаметное, но оттого не менее важное.

— Мы вернёмся до закрытия, — сказала Марина. — Если не успеем, пошлём весть.

— Не через почту, — быстро сказала Агафья. — Там уже поставили отметку, что отправление возвращено.

Александр кивнул.

— Не через почту.

Они вышли в дождь. До архивного корпуса шли молча: мимо булочной, где уже гасили витрину, мимо площади с лужами, в которых дрожали огни фонарей. Марина держала папку под плащом. Внутри лежала копия ведомости с подписью Александра — его прежняя ошибка, теперь ставшая единственной зацепкой.

— Вы правда не проверили? — спросила она, когда они миновали мост.

— Правда.

— Не потому, что вам приказали не проверять?

— Нет. Мне сказали, что адресат выбыл. Я решил, что это обычная отметка. Смена была длинная, а начальник требовал закрыть ведомости к утру.

— Удобное объяснение.

— Удобное, — согласился он. — Оно и тогда меня устроило.

Марина не стала смягчать вопрос.

— А сейчас?

— Сейчас я знаю, что удобство не делает ошибку меньше.

Он говорил без просьбы о прощении. Марина не была уверена, что это достоинство, а не способ вынести приговор себе самому раньше других.

В архиве сторож узнал Александра, но не обрадовался.

— Ты опять за старыми ведомостями?

— За книгой ночной передачи. Тот месяц, когда я работал в сортировке.

— Такого добра не выдают.

— Мне не нужно выносить. Хочу сверить одну запись.

Сторож посмотрел на Марину.

— А она кто?

— Человек, которого касается эта запись, — сказала она.

Сторож повёл их в комнату с узкими шкафами и лампой под зелёным стеклом. Пахло мокрой бумагой и клеем. Он достал журнал, потёр пальцем корешок и раскрыл на нужном месяце. Александр не стал брать книгу. Наклонился над столом, нашёл число, провёл пальцем вдоль строк.

— Вот номер пакета.

Рядом стояла отметка «возвращён», а ниже — подпись дежурного приёмщика. Не Александра.

Марина сверила номер с ведомостью.

— Кто это?

— Семён Лапин, — сказал сторож. — Работал на ночной выдаче. Уволился два года назад.

— Он принимал возврат? — спросила Марина.

— По книге — принимал. А пакет обратно в хранилище не сдавал. Тут должна быть вторая отметка.

Александр перевернул страницу. На следующем листе номер не значился.

— Значит, запись о возврате есть, а подтверждения сдачи нет.

— Или книгу потеряли, — сказал сторож. — Такое случалось.

— Вы помните Лапина? — спросила Марина.

— Помню. Он здесь жил, потом перебрался на окраину. У него лавка была при мастерской. Но к чему вам это?

— К человеку, который может объяснить собственную подпись, — ответила Марина.

Сторож нахмурился.

— Не ходите к нему сейчас. Он не любит, когда его беспокоят.

— А конверт у отеля оставили ещё до того, как мы нашли здесь его подпись, — сказала Марина.

Александр выпрямился.

— Вы думаете, это Лапин?

— Я думаю, что мы пока знаем только одно: пакет был отмечен как возвращённый, но в хранилище не поступил. И что кто-то следит за тем, что мы находим.

Сторож захлопнул книгу.

— Я ничего не видел и ничего вам не показывал.

— Вы показали запись, которая лежит в открытом журнале, — сказал Александр.

— Вот именно. В открытом.

На улице Александр задержался у ступеней.

— Лапин может знать, кто забрал пакет. А может, сам его забрал.

— Или подписал за другого, — сказала Марина. — Не будем выбирать виновного раньше, чем услышим его.

— Вы пойдёте к нему?

— Утром. Сейчас мы вернёмся к Агафье.

В ответ он посмотрел на неё так, словно собирался возразить, но передумал.

— Она может открыть конверт до нашего возвращения.

— Может.

— И это её решение.

— Да.

Дождь ослаб, но мостовая всё ещё блестела. У поворота к отелю Александр остановился.

— Марина, если в книге передачи не найдётся второй отметки, это не доказывает, что Лапин украл письмо.

— Я знаю.

— А если окажется, что он его забрал, моя подпись всё равно останется частью этой истории.

— Она уже часть, — сказала Марина. — Только не вся история.

Он опустил глаза. На миг ей показалось, что он услышал в этих словах прощение. Марина тут же поправила себя: она ничего такого не обещала.

У двери отеля хозяйка ждала их с фонарём. Агафья стояла за стойкой, и конверт лежал перед ней. Сгиб был по-прежнему цел.

— Он приходил? — спросила Марина.

— Нет. Но у окна кто-то стоял. Я увидела тень, а потом шаги на крыльце. Не стала открывать.

Агафья посмотрела на Александра.

— Нашли?

— Нашли человека, который принял пакет, — сказал он. — Но не знаем, что он с ним сделал.

— Значит, утром пойдём к нему.

— Если вы этого хотите, — ответил Александр.

Агафья взяла конверт и убрала в ящик, где хранила ключи. Затем заперла ящик и оставила ключ у себя на ладони.

Марина посмотрела на закрытый журнал в папке. Теперь у них было имя, дата и отсутствие нужной отметки. Этого ещё не хватало для обвинения, но уже хватало, чтобы искать человека, который мог солгать.

Утром Марина пришла в отель раньше, чем хозяйка успела растопить плиту. В коридоре пахло золой и сырой штукатуркой. Агафья уже сидела за стойкой, не снимая пальто; ключ от ящика лежал у неё в кармане, и каждый раз, когда она поворачивалась, металл тихо постукивал о пуговицу.

— Конверт на месте? — спросила Марина.

— На месте. Я его не открывала.

Это прозвучало не как оправдание, а как решение, которое Агафья приняла сама и теперь не собиралась отдавать кому-нибудь на оценку.

Александр вошёл следом за Мариной. Он принёс свёрнутый в ткань журнал, найденный накануне у сторожа, и отдельный лист — копию старого распоряжения о передаче пакета. Бумагу он держал осторожно, но не так, будто она могла рассыпаться от прикосновения. Скорее, не хотел закрыть пальцами подпись.

— Лапин живёт за мостом, — сказал он. — У мастерской два окна, одно выходит во двор. Если начнём с обвинений, он захлопнет оба.

— Тогда начнём с дат.

Хозяйка отеля выдала им фонарь, хотя снаружи уже серело. На пороге Марина обернулась к Агафье:

— Мы не будем забирать конверт и не станем просить вас его открыть. Если вы решите прочесть письмо, дождитесь нас или не ждите — это тоже ваше право.

— Я подумаю, — ответила Агафья. — Но не потому, что вы велели.

Марина кивнула. Ей хотелось сказать, что она и не велела, но это было бы лишним.

У мастерской Лапина пахло железом, остывшей золой и крепким чаем. Дверь была не заперта. Александр постучал костяшками и подождал. Из глубины донёсся скрежет, затем кашель.

— Кто там?

— Александр Белый. С Мариной Зориной пришли поговорить о пакете, который вы приняли для отеля.

За дверью стало тихо. Потом дверь открыли только на ширину ладони. Лапин оказался коренастым, с седой щетиной и обмотанным вокруг запястья полотенцем. Он посмотрел сначала на Александра, потом на Марину.

— Я ничего не крал.

— Мы пока этого не утверждали, — сказала она. — Вы подписали книгу передачи?

— Подписывал много чего. Откуда мне знать?

— Вот поэтому мы и пришли к вам.

Он усмехнулся, но глаза его остались настороженными. Дверь открылась шире.

В мастерской стоял длинный верстак, заваленный петлями, дверными ручками и небольшими деревянными ящиками. На стене висели старые часы без стрелок. Лапин указал на табуреты, сам остался стоять.

Марина положила на верстак копию записи.

— Здесь указано, что пакет приняли у вас двенадцатого числа. Возвращённым его отметили двадцать первого. Между этими датами в книге нет отметки о поступлении в хранилище.

— Значит, не поступил.

— Куда вы его передали?

— Не помню.

Александр развернул ткань и достал журнал.

— В тот день вы расписались за пакет лично. Почерк похож на ваш.

Лапин не наклонился к странице.

— Похож — не значит мой.

— Вы можете посмотреть, — сказал Александр. — Или не смотреть.

Невысказанное раздражение проступило у него на скулах. Марина заметила, как он удержался от того, чтобы придвинуть журнал сам. Лапин тоже заметил. Он посмотрел на страницу, наконец подошёл и провёл пальцем рядом с подписью, не касаясь чернил.

— Моя рука, — признал он. — Только подпись не моя.

— Кто подписал?

— Не знаю.

— Но пакет вы приняли.

— Принял. Мне сказали: отнести в хранилище до вечера. Я оставил его здесь, потому что повредил ногу. На другой день отнёс.

— Кто вам поручил доставку?

Лапин отвернулся к верстаку. Несколько секунд он возился с железной скобой, хотя та и без того лежала ровно.

— Александр.

Белый не шевельнулся.

— Я передавал вам пакет?

— Вы принесли его ко мне в мастерскую. Не лично. Через мальчишку, он сказал, что от вас. В записке была ваша подпись.

Марина посмотрела на Александра. Тот побледнел, но не отвёл глаз.

— Я такой записки не писал, — произнёс он.

— Удобно, — бросил Лапин.

— Возможно. Поэтому я и не прошу вас верить мне.

Лапин снял с полки жестяную коробку. В ней, среди обломков карандашей и обрывков бечёвки, лежала узкая полоска бумаги, потемневшая по краям. Он развернул её на верстаке. На клочке было всего несколько слов: «Передать в гостиничное хранилище. До вечера. А. Белый».

Подпись выглядела убедительно, если не приглядываться. Но последняя буква фамилии была выведена с резким загибом вниз. Александр всегда ставил короткую черту вправо — Марина видела это на расписке, которую он подписал при ней накануне.

— Я хранил её, потому что не хотел, чтобы потом сказали, будто я сам придумал поручение, — объяснил Лапин. — Пакет отнёс. В хранилище его принял дежурный, а бумажку мне вернули вместе с пустой обёрткой. Я не проверял, что там было.

— Кто вернул?

— Мужчина. Не знаю имени. В тёмном пальто, говорил тихо. У него на левом большом пальце был белый рубец. Заметный. Он сказал, что отель получил своё.

Марина не стала записывать «отель получил своё». Пока это были слова Лапина, а не установленный факт. Она занесла в блокнот описание рубца, затем спросила:

— Когда вы увидели отметку о возврате пакета?

— Уже после. Меня позвали в контору и попросили расписаться. Сказали, что бумажку потеряли, а запись надо привести в порядок.

— Кто попросил?

Лапин помедлил.

— Человек из управления. Имени я не назову.

— Не можете или не хотите?

— Не хочу. Он до сих пор решает, кому дают работу в городе.

Александр взял клочок за края, но остановился и посмотрел на Лапина.

— Можно?

Тот молча кивнул.

Белый поднёс бумагу к окну. В верхнем углу проступали две проколотые дырочки, словно полоску вырвали из листа, закреплённого на кнопке. Марина достала из папки старую копию распоряжения. На ней отверстия располагались на том же расстоянии.

— Это вырвано из того же бланка, — сказала она. — Значит, записку сделали там, где хранились такие листы. Не у вас.

Лапин сжал губы.

— Я сказал, что принял пакет. Я не сказал, что знаю, кто его подменил.

— А вы уверены, что он вообще был подменён?

Вместо ответа он посмотрел на часы без стрелок.

— Когда мне вернули обёртку, она была легче, чем при получении. И внутри ничего не звякнуло. Пакет должен был быть с вложением, это мне сказали. Больше я не знаю.

Из соседнего двора слышались шаги, потом короткий стук по стеклу. Лапин мгновенно убрал полоску бумаги в коробку и закрыл крышку.

— Вы пришли не одни, — прошептал он.

Александр двинулся к окну, но Марина положила ладонь на край журнала.

— Не выходите.

За стеклом мелькнул человек в тёмном пальто. Лица не было видно. Он постоял несколько мгновений и ушёл, не постучав вторично.

Лапин запер дверь. На его лбу блестела испарина.

— Теперь вы понимаете, почему я не люблю, когда меня беспокоят?

— Да, — ответила Марина. — Но нам всё равно нужно передать эти сведения Ефимову. Ваше имя он назовёт только с вашего согласия.

— А если тот человек придёт раньше?

— Тогда вы решите, что говорить. Мы не можем обещать, что опасности не будет. Можем не выдавать вас без вашего ведома.

Лапин посмотрел на Александра.

— А вы? Вы ведь поставили бы подпись, если бы вас попросили.

— Раньше — поставил бы, не спросив, зачем она нужна, — сказал Александр. — Теперь не поставлю. Но это не отменяет того, что моя подпись уже послужила кому-то прикрытием.

Он не оправдывался и не просил Лапина поверить. Марина увидела, как тот медленно разжал пальцы, которыми держал край верстака.

Клочок бумаги они не забрали. Лапин согласился лишь позволить Ефимову осмотреть его при нём и подтвердить, что подпись не его. Это было меньше, чем Марина надеялась получить, и больше, чем он собирался дать, когда открыл дверь.

На обратном пути Александр шёл молча. У моста он наконец сказал:

— Если бумагу изготовили в управлении, там узнают, что мы были у Лапина.

— Вероятно.

— Тогда он окажется под ударом из-за нас.

— Не из-за нас. Из-за того, кто использовал его подпись и оставил его отвечать за пропажу.

Александр посмотрел на неё, но спорить не стал.

У отеля Агафья стояла у окна. Увидев их, она отступила от стекла. В ящике за стойкой конверт по-прежнему лежал целым. Марина не спросила, передумала ли хозяйка. Теперь у них был свидетель, поддельное поручение и причина подозревать, что кто-то в городском управлении знал о письме гораздо раньше, чем они. И человек с белым рубцом уже знал, что они начали задавать вопросы.

Глава 3. Цена первой ошибки

Агафья сняла с крючка полотенце и вытерла ладони, хотя они были сухими.

— Он сказал, что письмо лучше не трогать, — произнесла она. — А вы всё-таки трогали.

Марина остановилась у стойки.

— Мы его не вскрывали. И не собирались.

— Но вы ушли искать человека, который мог знать, откуда оно взялось. Теперь тот человек знает, что письмо здесь.

Александр снял мокрую шапку и положил на край стойки. С неё стекла вода, оставив тёмное пятно на дереве.

— Лапин сам согласился поговорить.

— Он согласился, потому что вы сказали ему, что сможете доказать подделку.

Марина почувствовала, как в ней поднимается возражение, готовое и аккуратное: они действительно проверяли поручение, Ефимов присутствовал, Лапин не был задержан. Но слова Агафьи не оспаривали фактов. Она говорила о том, чего Марина не учла.

— Вы правы, — сказала она. — Я решила за него, что ему важнее всего.

Агафья посмотрела на неё исподлобья.

— И что теперь?

— Теперь я не буду решать за него второй раз.

Хозяйка отвернулась к окну. За мутным стеклом двор отеля расплылся в дождевой темноте; фонари у ворот горели тускло, будто их заправили водой вместо масла.

Александр достал из внутреннего кармана сложенный лист.

— Ефимов оставил копию записи из книги поручений. Не оригинал. Он заверил её своей подписью и печатью управления.

Марина взяла бумагу. В строке за прошлый вторник значилось: «Выдача временного пропуска Лапину П. И. для осмотра архивного помещения». Ниже стояли номер, дата и подпись дежурного регистратора. Бумага была обычной, сероватой, с неровно оторванным краем. Никаких следов волшебства, никаких тайных знаков. Только чернила и запись, сделанная рукой человека, который мог отвечать за неё перед начальством.

— Это подтверждает, что пропуск выписали, — сказала Марина. — Не то, что Лапин им воспользовался.

— Ефимов сверил номер с журналом проходной, — ответил Александр. — Лапин вошёл в архив в тот день. Через задний вход. Выход не отмечен.

Агафья резко обернулась.

— Значит, он солгал?

— Не обязательно, — сказал Александр. — Журнал могли заполнить небрежно. Но это уже не ошибка в подписи. Его имя действительно провели через управление.

Марина снова прочла строку. Они нашли документальное подтверждение, что Лапина связали с архивом. И это не оправдывало его, но делало положение опаснее: кто-то использовал его имя не на одном поручении. Лапин мог быть свидетелем, сообщником или человеком, которого втянули в чужую работу. Они пока не знали.

— Ефимов сам проверял журнал? — спросила она.

— Да.

— При Лапине?

Александр не ответил сразу.

— Нет.

— Тогда ему надо сказать, что мы нашли.

— Он попросил не приходить к нему сегодня. Сказал, что после нашего визита в управление уже знают, где его искать.

Марина сложила копию по старому сгибу.

— И ты согласился?

— Я сказал, что не стану его преследовать.

— Это не одно и то же.

Александр сжал челюсть. Марина заметила, как он смотрит на её руку с бумагой, словно хотел забрать её и унести обратно, пока находка не стала новой причиной для чьего-нибудь страха.

— Я не хочу, чтобы его снова использовали, — сказал он.

— Тогда не используй его молчание как согласие.

Он отвёл взгляд. Между ними на стойке лежала копия с печатью, и внезапно она показала Марине тяжелее запечатого конверта.

— Ефимов сказал, что может вызвать его официально, — произнёс Александр. — Но тогда Лапина увидят все, кто работает в управлении.

— А если не вызвать, его имя останется в журнале без объяснения.

— Я знаю.

— Нет, — сказала Марина. — Ты знаешь, что это неудобно. А он знает, что его могут сделать виноватым. Разница в том, кто платит за наше решение.

Александр поднял на неё глаза. В них не было прежнего желания спорить. Только усталость и что-то ещё, чему Марина не стала давать имени.

За стойкой тихо звякнул колокольчик входной двери. Все трое обернулись. В холле никого не было, только ветер качнул створку и шевельнул край коврика.

Агафья подошла к двери и заперла её на внутренний засов.

— Мне надо знать, что будет с письмом, — сказала она, не оборачиваясь. — Не с Лапиным. Не с управлением. С письмом.

— Оно останется у вас, — ответила Марина. — Если вы захотите, мы можем составить опись, не вскрывая конверт. Вы сами решите, кому её показать.

— А если от этого станет опаснее?

Марина посмотрела на конверт, спрятанный в ящике под стойкой. Ей хотелось сказать, что осторожность даст им время. Что письмо уже связано с пропавшей книгой и поддельным поручением, а значит, молчание тоже может причинить вред. Но любое из этих слов звучало бы как довод за чужое согласие.

— Тогда мы обсудим опасность, — сказала она. — Но решение не станет нашим только потому, что нам страшно.

Агафья не поблагодарила. Она открыла ящик и проверила, на месте ли конверт, затем снова закрыла его на ключ.

Марина положила заверенную копию на стойку.

— А это? — спросил Александр.

— Останется у меня. Ефимов подтвердил запись. Если Лапин захочет, он увидит копию и сможет объяснить, что произошло.

— А если не захочет?

— Тогда мы будем знать только то, что подтверждают бумаги: его имя внесли в журнал, и он вошёл в архив. Не больше.

Александр медленно кивнул. Марина поняла, что он не согласился с ней во всём; он просто перестал подменять неизвестное удобной версией.

Снаружи дождь ослаб. Вода ещё стекала с крыши, постукивая по жестяному козырьку редкими каплями. Марина убрала документ в папку, не складывая его повторно, и защёлкнула застёжку.

Теперь у них была улика, которая не оправдывала Лапина и не доказывала его вины. А у Агафьи — ещё одна причина не доверять людям, уверенным, что знают, чем можно пожертвовать ради общего дела.

Марина убрала папку под локоть и подняла глаза на часы. До закрытия городского архива оставалось меньше получаса.

— Я хочу увидеть журнал целиком, — сказала она. — Не только строку Лапина.

Александр нахмурился.

— Ефимов уже подтвердил запись.

— Запись — да. Но если мы не знаем, кто был до него и после, мы знаем только половину.

— Архив запирают на ночь.

— Поэтому надо идти сейчас.

Агафья придержала ящик с письмом, будто собиралась снова спросить, не опасно ли оставлять его здесь. Но промолчала. Марина положила перед ней ключ.

— Дверь заперта. Конверт останется у вас. Если кто-то придёт, не открывайте, даже если назовут наше имя.

— А если это Ефимов?

— Тогда он подождёт, пока вы сами решите.

Агафья сжала ключ в ладони. На этот раз она не выглядела благодарной; скорее, ей пришлось принять решение, которое не делало её спокойнее. Марина понимала это чувство. Иногда выбор не избавлял от страха, а только возвращал ему настоящее имя.

Александр придержал дверь. На улице пахло мокрым камнем и дымом из труб. Дождь почти перестал, но с крыш ещё капало. Они пошли к управлению быстрым шагом, не пытаясь разговаривать через шум воды.

— Ты думаешь, Лапин мог подделать поручение? — спросил Александр.

— Я думаю, что у нас нет доказательств ни того, ни другого.

— Он вошёл в архив.

— Это подтверждено.

— И книга пропала.

— Это тоже подтверждено. Но между этими фактами пока нет документа, который их соединяет.

Александр не ответил. Он шёл чуть впереди, выбирая сухие места на мостовой. У поворота к площади замедлил шаг и посмотрел на Марину.

— Ты всегда так говоришь? Будто любое слово потом придётся предъявить в суде.

— Нет. Иногда просто прошу людей не делать вид, что догадка уже стала фактом.

Он отвёл взгляд. Марина не стала продолжать. Ей не хотелось выигрывать спор; ей хотелось, чтобы они не заставили Лапина отвечать за то, чего он не делал. И чтобы не прикрыли чужую ответственность его именем, потому что так удобнее.

В архиве горела одна лампа. За столом у входа сидела дежурная в сером платке; она узнала Александра, но на вопрос о журнале сразу покачала головой.

— Без распоряжения Ефимова я ничего не покажу.

— Мы не просим уносить его или снимать копии, — сказала Марина. — Только посмотреть записи за тот день.

— Распоряжение всё равно нужно.

Александр вытащил из кармана удостоверение. Дежурная сверила фамилию, затем посмотрела на Марину.

— Вы с ним?

— Нет. Я проверяю документы по поручению хозяйки отеля.

— Чьё поручение?

— Агафьи Павловны.

Женщина положила ладонь на обложку лежавшего перед ней журнала, словно собиралась убрать его в ящик.

— Вот именно. Если вы официально не работаете в управлении, показывать вам записи нельзя.

— Тогда позвоните Ефимову, — сказал Александр.

— Его нет.

— Он был здесь недавно, — заметила Марина. — Вы могли передать ему, что мы пришли.

— Я не обязана никому ничего передавать.

— Не обязаны, — согласилась Марина. — Но журнал будет ждать и завтра. Мы никуда его не увезём.

Дежурная долго разглядывала её, затем раскрыла книгу на нужной странице.

— Смотреть. Не переписывать.

Марина сняла перчатки и наклонилась над бумагой. Лапинская фамилия стояла в середине списка. Время входа было записано чётко, чернила не отличались по цвету от соседних строк. Подпись совпадала с образцом, который Ефимов предъявлял им в отеле. В графе цели стояло: «Сверка описи, фонд 12». Ниже графа времени выхода оставалась пустой.

— Кто внес запись? — спросила Марина.

— Дежурный архивист.

— Кто дежурил?

— В тот день? Павел Григорьевич.

— Он здесь?

— Нет. На складе. И ничего другого я вам сказать не могу.

Марина проследила строку пальцем, не касаясь бумаги. После Лапина в архив вошли двое: переплётчик и курьер из канцелярии. Оба отметились с интервалом в несколько часов. Между ними оставалось пустое место, где обычно записывали цель посещения, если человек входил не по обычному делу.

— Эта строка была уже пустой? — спросила Марина.

Дежурная сжала губы.

— Не знаю. Я тогда не сидела здесь.

— А курьер из канцелярии приходил за документами?

— Не помню.

— У него указано, что он забирал бумаги?

— Указано, что входил. Тут всё написано.

Марина подняла взгляд. Дежурная говорила не раздражённо, а настороженно; словно боялась, что любой лишний ответ превратится в признание.

— Мы не обвиняем вас, — сказала Марина. — Нам нужно понять порядок. Если человек входил в архив, должна быть запись о том, что он там делал?

— Обычно — да.

— А если запись не внесли?

— Тогда её нет.

— И никто не обязан объяснять почему?

— Не мне объяснять.

Александр стоял у края стола, не вмешиваясь. Он смотрел на журнал, но Марина видела, что он следит и за её лицом. Она перевернула взгляд на соседнюю страницу. Вверху стояла дата, внизу — подпись дежурного. На обоих листах почерк оставался одинаковым, только одна запись была сделана заметно позже остальных: чернила легли поверх продавленной линии от листа, лежавшего сверху.

— Кто-то мог дописать строку после закрытия? — спросила она.

— В журнале иногда делают исправления.

— С пометкой?

— Если исправление существенное.

— А здесь пометки нет.

Дежурная захлопнула книгу, но не убрала её.

— Вы получили подтверждение, что Лапин был в архиве. Остальное не касается ваших полномочий.

Марина выпрямилась. В этой фразе не было ни признания, ни угрозы, только граница, поставленная человеком, который не хотел переступить её по собственной воле.

— Вы правы, — сказала она. — Не касается. Пока.

Александр бросил на неё короткий взгляд. На улице, под козырьком, он остановился.

— Мы узнали, что Лапин входил за сверкой описи.

— Да.

— И что потом пришёл курьер из канцелярии.

— Да.

— Это может быть совпадением.

— Может.

— Но ты не думаешь, что это совпадение.

— Я думаю, что после Лапина кто-то ещё заходил в архив. Этого достаточно, чтобы не считать его единственным человеком, у которого был доступ.

Александр сжал челюсть. На его лице снова проступило знакомое раздражение, но теперь оно было направлено не на Марину.

— Ефимов не обрадуется, что мы полезли смотреть без него.

— Мы не забрали документы и ничего не скрывали.

— Дежурная всё равно может сказать, что мы давили на неё.

— Тогда она скажет правду. Я попросила показать журнал и спросила о порядке. Она отказала бы — мы ушли бы.

— А если теперь нас начнут проверять?

Марина посмотрела на мокрую улицу. В окне архива мелькнула тень: дежурная вернулась к столу. Она не собиралась искать в каждом движении заговор. Но не собиралась и делать вид, будто пустая графа ничего не значит.

— Тогда ответим на вопросы, — сказала она.

Александр на мгновение опустил глаза.

— В прошлый раз я решил, что Лапин и есть ответ.

— Ты решил, что его имя достаточно удобно.

— Я хотел остановить того, кто вынес книгу.

— Я знаю.

— Но не знал, кого подставляю.

— Теперь знаешь.

Он не попросил прощения. Марина не стала требовать. Между ними оставалось слишком много неизвестного, чтобы один честный разговор мог превратить их в союзников без оговорок.

У площади Александр свернул к мосту, но Марина задержалась.

— В отель?

— Я провожу тебя.

— Не нужно. Ефимов будет искать тебя в управлении.

— Пусть ищет.

В его голосе не было прежней уверенности. Он сказал это не ради неё, а потому что наконец заметил: каждый неверный шаг ложится на кого-то ещё. Марина не ответила и пошла дальше.

У отеля в окне горела лампа. Агафья ждала за стойкой, не снимая пальто. Когда Марина вошла, она сразу посмотрела на папку.

— Нашли что-нибудь?

— Подтвердили, что Лапин был в архиве. Но после него туда входил курьер из канцелярии. В журнале есть и пустая графа.

Агафья не спросила, кто этот курьер. Она лишь отвела взгляд к ящику, где лежало письмо.

— Значит, Лапин не обязательно взял книгу.

— Не обязательно, — сказала Марина. — Но мы пока не знаем, что он делал там и кто приходил следом.

Агафья медленно кивнула. Потом отперла ящик и вынула конверт. Край его был потёрт, а на сгибе темнело пятно, похожее на старый воск.

— Тогда я хочу, чтобы вы описали и это, — сказала она. — Не вскрывая.

Марина поставила папку на стойку. Александр остался у двери, не приближаясь, пока Агафья сама не придвинула конверт к свету.

Первое объяснение перестало быть единственным. Вместо ответа у них появилась ещё одна запись, пустое место рядом с ней и право Агафьи решать, что делать с письмом дальше.

Марина не коснулась конверта, пока Агафья сама не подложила под него чистый лист.

— Запишите, что он лежал в ящике за стойкой, — сказала хозяйка. — И что я вынула его при вас.

— Запишу. Хотите, чтобы я описала пятно и сгибы?

— Всё, что видно. Только не трогайте печать.

Александр остался возле двери. Он снял мокрые перчатки, но пальто не расстегнул — словно собирался уйти, если Агафья передумает. Марина отметила это про себя и раскрыла папку. В ней нашёлся чистый бланк описи. Она вписала дату, место, имена присутствующих, затем отдельно указала: «Конверт не вскрывался, содержимое не осматривалось». Агафья следила за пером, иногда просила перечитать строку. Марина читала вслух и ничего не сокращала.

На лицевой стороне не было адреса. Только выцветшая полоса от старой наклейки и два коротких надреза у клапана. Пятно на сгибе оказалось не воском: тёмное, чуть блестящее, оно проступило через бумагу с обратной стороны. Марина наклонила лист к лампе.

— Чернила? — спросила Агафья.

— Может быть. Без увеличительного стекла точно не скажу.

— А это? — Александр указал на надрезы.

— Могли оставить чем угодно. Пока это просто две отметины.

Агафья задержала взгляд на конверте.

— У него всегда было такое место. Я думала, порезали ключом, когда принесли.

— Когда принесли?

— В день, когда пропала книга. Курьер отдал его мне и сказал не вскрывать до возвращения хозяйки. Я тогда не знала, что его ищут.

Марина подняла глаза.

— Вы раньше этого не говорили.

— Вы не спрашивали, как он попал ко мне. Вы спросили, согласна ли я его показать.

Агафья сказала это без упрёка, но Марина всё равно почувствовала, как между ними встала точность формулировки. Она не имела права превращать доверие в допрос только потому, что теперь заметила важную деталь.

— Вы правы, — ответила она. — Запишу отдельно, как вы это помните. Не как установленный факт.

Хозяйка помолчала, потом придвинула конверт к краю листа.

— Запишите.

Марина внесла слова Агафьи в опись, не меняя их смысла. Когда закончила, поставила подпись и предложила хозяйке расписаться рядом. Та прочла запись до конца, задержалась на слове «помнит», но подпись поставила.

В дверь постучали.

Александр не двинулся, пока Агафья не кивнула. Тогда он приоткрыл дверь. На пороге стоял молодой человек в сером форменном пальто; с его рукава капала вода. Марина узнала канцелярский знак на пуговице — такой же был у курьера, чьё имя стояло в архивном журнале.

— Я за конвертом, — сказал он.

— По чьему поручению? — спросила Марина.

— Из управления.

— Это не поручение.

Парень нахмурился и протянул сложенный лист. Александр не взял его.

— Покажите Агафье, — сказал он.

Хозяйка не приблизилась. Марина развернула бумагу на стойке, не выпуская из виду посетителя. Вверху стояло название управления, ниже — требование передать «все материалы, относящиеся к исчезнувшей книге и письму». Подписей было две: начальника канцелярии и городского служащего по фамилии Ратников.

— Это копия? — спросила Марина.

— Оригинал, — отрезал посыльный.

— Здесь нет исходящего номера.

— Я доставляю, а не оформляю.

— Кто дал вам лист?

Он переступил с ноги на ногу и посмотрел на конверт.

— Ратников.

Марина закрыла папку, не накрывая ею опись.

— Тогда передайте Ратникову, что Агафья не давала согласия на изъятие. А этот документ не подтверждает, что управление вправе распоряжаться её вещами.

— Там сказали, если она откажется, всё запишут как препятствие расследованию.

— Пусть запишут. Вместе с тем, что она письменно отказалась передать конверт по документу без номера.

Агафья подняла голову.

— Я не отказываюсь говорить. Я отказываюсь отдавать письмо неизвестно кому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.